

Т.П. Петерс
T. P. Peters

**МЕМУАРЫ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
1-й ТРЕТИ XIX ВЕКА О ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА:
ЛИНГВИСТИКА ФРАНЦУЗСКОГО ТЕКСТА
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АВТОРСТВА И ДАТИРОВКИ
(ПО НЕИЗВЕСТНЫМ ДОКУМЕНТАМ РГАДА)**

**MEMOIRS IN FRENCH OF THE 1st THIRD
OF THE XIX CENTURY ABOUT THE MILITARY LEADERS
OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812: LINGUISTICS
OF THE FRENCH TEXT FOR DETERMINING
AUTHORSHIP AND DATING (ACCORDING TO UNKNOWN
DOCUMENTS OF THE RGADA)**

Статья посвящена атрибуции (авторство и год написания) рукописи неизвестного автора на французском языке. В архивных документах содержится обзор военных действий Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в первую очередь, Русской армии. Ее победы и неудачи исследуются в зависимости от военных и дипломатических умений военачальников: И.И. Михельсона, А.А. Прозоровского, П.И. Багратиона, Н.М. Каменского, М.И. Кутузова. В приложении впервые вводится в научный оборот в переводе с французского языка полный текст рукописи.

The Article is devoted to attribution (authorship and year of writing) of the manuscript of an unknown author in French. Russian Russian archives provide an overview of the military actions of the Russo-Turkish war of 1806–1812, primarily of the Russian army. Its victories and failures are studied depending on the military and diplomatic skills of military leaders: I. I. Mikhelson, A. A. Prozorovsky, P. I. Bagration, N. M. Kamensky, M. I. Kutuzov. In the Appendix, the full text of the manuscript is introduced into scientific circulation for the first time in translation from French.

Ключевые слова: мемуары, Русско-турецкая война 1806–1812, перевод с французского, авторство, датировка.

Keywords: memoirs, Russian-Turkish war of 1806–1812, translation from French, authorship, Dating.

Целью статьи является атрибуция (год написания и авторство) рукописи на французском языке под названием «Записка неизвестного автора с описанием событий Русско-турецкой войны 1811–1812 гг. Из бумаг генерала от инфантерии И.В. Сабанеева (б/д, не ранее 1812 г.)»¹ (далее «Записка») из фондов РГАДА. В ней автор представил обзор военных действий русской и турецкой армий в 1806–1812 гг. с точки зрения побед и неудач в командовании военачальников, в основном, русской армии от генерала И.И. Михельсона до генерала М.И. Кутузова.

1. Для установления года написания рукописи во внимание обыкновенно принимаются два момента – дата отливки бумаги и собственно дата написания рукописи. В случае с исследуемым архивным документом бумага датирована. На просвет в центре на обеих половинах листов *in folio* «Записок» видны филигранные надписи: на одной половине – эмблема «Britannia» без девизов по окружности и надпись «IPING 1813». Согласно имеющимся исследованиям², они указывают на то, что бумага английская, место – английская деревушка под Лондоном, где находилась бумажная мельница в XVIII – 1-й трети XX вв., год отливки 1813-й.

Что касается даты создания рукописи, то она в документах отсутствует. В начале рукописи автор оставил только знак «№ 17» (возможно, было еще 16 работ до этого), а надпись: «Записка неизвестного автора с описанием событий русско-турецкой войны 1811–1812. Из бумаг генерала от инфантерии И.В. Сабанеева (б/д, не ранее 1812 г.)» была сделана позже рукой архивиста. Так что год создания «Записки» пришлось искать непосредственно и единственно во французском тексте рукописи путем текстологического исследования, во фразах, в которых автор ссылаясь на реалии той действительности, когда делал свои записи.

Автор отмечал, что на момент написания «Записок» турецкий военачальник Хосрев-паша был капудан-пашой (командующим турецким флотом) – это приходилось на период 1811–1818 гг., а Карл (Скарлат) Калимаки исполнял должность господаря Молдавии, что было в 1812–1819 гг. Общим для них был период 1812–1818 гг., в один из годов которого была написана рукопись.

Далее, когда автор писал о мировой репутации турок и французов в качестве «непобедимых, он подчеркнул, что относительно года написания рукописи непобедимость турок исчезла 44 года назад. Согласно документам, этот миф пропал уже в начале 1-й русско-турецкой войны (1768–1774), а именно к 1769 г., когда был взят крепость Хотин и Бухарест. Путем простого сложения получаем дату: 1813 год. По поводу непобедимости французов автор полагал, как следует из его цитаты, что Франция уже побеждена русской армией, а подобное мнение могло возникнуть только с изгнанием остатков Великой армии из пределов России, что произошло к середине декабря 1812 г. и далее с первыми победами в Германии в 1813 г. Общая дата – 1-я половина 1813 г. в качестве года написания.

Наконец, с годом написания автор соотнес период, когда Александр I возглавил русскую армию, которая венчала себя лаврами в войне «против узурпатора всех прав народов разных наций»³ (не просто русских – Отечественная война уже завершена, а народов Европы). Это замечание соответствует победам русской армии, начавшимся после Малоярославца, выводу войск Великой армии из России в декабре 1812 г., периоду после смерти в апреле 1813 г. главнокомандующего М.И. Кутузова, когда Александр I уже фактически возглавлял войска коалиции и находился при армии. Это были 1813–1814 гг. Вывод – рукопись написана в 1-й половине 1813 г. во время войны на территории Германии.

2. Выявление имени автора проводилось в разных аспектах и с разных точек зрения. Отправной точкой послужил его автограф в виде монограммы из переплетенных заглавных букв латинского алфавита, которые наложены одна на другую. Для идентификации букв этой монограммы пришлось изучить автографы генерала Жомини, которыми он подписывал свои письма, записки. Эти подлинники были выявлены в фондах РГАДА. Генерал подписывался по-разному, в процессе изучения архивных источников было обнаружено несколько его автографов: «Général Baron de Jomini»⁴, «Gal V^{on} Jomini»⁵, вытянутая по горизонтали монограмма из букв «GBJ»⁶. Причем, написание букв монограммы безымянной рукописи совпадает с написанием начальных букв в автографе «Gal V^{on} Jomini» и букв автографа «GBJ». Сравнительный анализ сохранившихся автографов генерала, на мой взгляд, свидетельствует в пользу того, что автором исследуемой рукописи был Антуан Анри Жомини.

Исследование рукописи в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах, сравнением с подписанными рукописями на французском языке конца XVIII – 1-й четверти XIX в., в том числе с запиской самого Жомини из Альтенберга от 1813 г., подтверждает авторство Жомини⁷. Дело в том, что любой текст, в том числе письменные мемуары и записки, являются предметом коммуникации, и скриб (автор, субъект) может много о себе рассказать. Лингвистические средства французского языка, которые использовал автор, дают сведения о его национальности, соприсутствии/отсутствии в описанных событиях, наличии/отсутствии собеседника, эмоциональном настрое.

В «Записках» названы три страны: Россия, Турция, Франция, где первые две – в качестве воюющих сторон на протяжении всей рукописи, а Франция только в одном эпизоде при сравнении уровня ее экономики с Россией. Автор не относил себя к подданным ни одной из этих стран. Из многих речевых структур текста следует, что он ни в одном из эпизодов описаний не отождествлял себя с русской и турецкой армиями, с подданными Российской или Османской империй. Он писал всегда в 3-м лице «русская армия», «русские», «они», «...мы видим, как те же Русские... совершают отважные подвиги и венчают себя лаврами», «...их Двор [русских]», «...жертвы, которые заплатила за войну эта Империя...»⁸. То же в отношении турок. О Франции совсем мало – для него Наполеон I повелитель Франции, тиран и узурпатор всех прав народов разных наций.

На французском в 1813 г. могли писать представители высших слоев России и Турции, не считая Францию. Однако автор относился к группе носителей французского языка, т.е. тех, для кого этот язык был родным. Об этом свидетельствуют лингвистические особенности текста, в частности, смешение или вариативность употребление двух глагольных форм – простого и сложного перфекта. Явление вариативности встречается не во всех памятниках мемуаристики (их просмотрено 14), написанных на французском языке. Оно свойственно только рукописям носителей языка или лиц, владевших им вместо родного русского языка. Носителями французского языка в Европе 1813 г., теми, для кого он был языком родным, были, помимо французов, швейцарцы из франкоговорящих кантонов. Таким был Антуан Анри Жомини, уроженец кантона Во.

С точки зрения коммуникативности «Записки» представляют «коммуникативную дистанцию» с присущими ей критериями. Все 13 страниц рукописи являются детальным описанием в прошлом действий

двух армий. Это публичная коммуникация, описание обращено к неизвестному собеседнику, эмоциональность слабая, автор оторван от действия и ситуации и никак себя в нее не вписывает; в наличии пространственно-временное разделение.

В качестве примера приведу отрывок с описаниями действий князя Кутузова в конце августа 1811 г. в Валахии: «Место, куда высадились турки, превращалось во время приливов в остров, отрезанный от территории Валахии, и что поражало более, нежели такая особенность, то это совершенное неведение турок об этом. Несмотря на это Великому визирю удалось за одну ночь бросить в эти места, впрочем, столь неблагоприятные, 2500 турок с небольшими орудиями. Следует заметить, что при переправе один корабль унесло течением, а турки, не заметив этого, высадились почти рядом с лагерем русских; их обнаружил патруль, забивший тотчас тревогу; немедленно выдвинули часть войска, которые начали стрельбу по туркам; в ответ турки, спохватившись, поняли свою оплошность, в спешке погрузились на корабли и отплыли. Со своей стороны, русские, видя отплывающих турок, сочли дело законченным и вернулись в свой лагерь. И только на рассвете князю доложили, что турки успешно переправились через реку и высадились в другом месте. И даже окопались там»⁹ и далее в том же духе и с большими подробностями.

Только 50 предложений относятся к «близкой коммуникации». Часть из них выражает обращение описаний автора к близкому собеседнику.

Например, во фразах с описаниями ослабленного и безнадежного внутреннего положения Турции в период войны по сравнению с Россией, автор уточнял: «...вместе с тем мы заметили, как она боролась непрерывно на протяжении шести лет с бесконечно превосходящими силами Российской империи и часто одерживала победы, как мы вскоре увидим», далее по тексту о Милорадовиче (увидим, что): «Генерал Михельсон, 1-й главнокомандующий Дунайской армией, не сумел добиться никакого реального преимущества над турками, не считая единственной победы генерала Милорадовича над небольшим турецким корпусом, который, как казалось, намеревался атаковать Бухарест, в результате чего он заслужил титул спасителя этого города...»¹⁰.

Другие выражают пространственно-временное соприсутствие автора, его личную коммуникацию. Так, высказывая свое мнение по поводу взятия пленных турок при капитуляции крепости, он замечал: «Мне

могут по этому поводу возразить, что, де, зачем брать в плен такое количество тысяч человек, которых придется кормить... турки, которым не свойственно держать честное слово, никогда не соблюдают обещание более не браться за оружие; совсем наоборот, в их правилах возобновлять атаку тотчас при выходе из крепости, которую они только-только сдали неприятелю...»¹¹, и так далее.

Преобладание коммуникативной дистанции над близкой коммуникацией свидетельствуют о том, что автор не был участником войны, даже, возможно, находился далеко от театра военных действий. Для сравнения, свое пространственно-временное сопричастие («близкая коммуникация») Жомини выразил во вновь выявленных «Записках» Альтеберг 1813», когда он состоял в армии Шварценберга: «Наша армия спустилась с Богемских гор...», «Этот переход удалил нас от начальной цели...», «Если бы мы были уверены...», «...мы отдали Императору [Наполеону] все преимущества, которыми воспользовались силы его центра...»¹² и т.д. И действительно, в 1806–1812 гг. Жомини пребывал совсем в других местах, далеко от Турции.

При этом автор обладал обширными и глубокими знаниями о составе, состоянии, военачальниках армии Османской империи и русской армии. Он легко оперировал сведениями о событиях, происходивших в расположении русских, в турецких военных лагерях и крепостях, а также о слухах в турецких министерствах, в диване.

Учитывая научные интересы Антуана Анри Жомини, его должности, владение полной информацией обо всех военных событиях, в том числе 1806–1812 гг., он вполне мог быть автором «Записок». Как отмечали исследователи¹³, с 7 декабря 1811 г. он состоял на административной работе в Главном штабе, где продолжал работать над историческими исследованиями, отвечал за историческую часть, имел доступ в библиотеку и архивы Военного депо. Должность коменданта Главной Квартиры, давала доступ к административной и военной корреспонденции. Так что удаленность от театра русско-турецкой войны не была помехой, поскольку он написал в это время другую работу и оставил в конце свой автограф – «Замечания о системе войны с турками (по итогам русско-турецкой войны 1806–1812)»¹⁴.

Авторство генерала Жомини подтверждается, если рассматривать рукопись с точки зрения стиля и основной мысли. Идея «Записок» вполне в духе барона Жомини – следование принципам военного искусства, насколько действия русских военачальников в победах и проигрышах

им соответствовали. В одной из своих работ он высказался о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., как о прибытии тьмы генералов, и заключил, что война выявила ряд противодействий, которые нигде более не встречались. Именно эту мысль, как можно заметить при исследовании рукописи, он подробно развил на 13 страницах «Записок»

Он писал о намерении «...выявить не что иное, как те ошибки, которые могут совершить люди, находясь под плохим руководством: заблуждения, которые естественно вытекают из этого...», отмечал, что «...неуспех в войне с турками отнюдь не следует приписывать солдатам, но тем, кто ими руководил»¹⁵. Также имеется запись в духе Жомини в конце рукописи о стратегической пользе для России пяти турецких крепостей, отошедших к России по Бухарестскому миру, заключенного Кутузовым 16 мая 1812 г., в качестве опорных пунктов в новой войне. Эта запись перекликается с его же мыслью от 1816 г.: «Я не знаю иного способа начертать план кампании, как определиться с пунктом, который представляет наибольшие преимущества для того, чтобы выдвинуть от него военные силы по всем предполагаемым направлениям...»¹⁶.

Таким образом, исследование позволило установить дату написания и имя автора безымянной рукописи. Архивные документы под названием «Записка неизвестного автора с описанием событий русско-турецкой войны 1811–1812 гг.» на французском языке являются подлинной рукописью, написанной на английской бумаге, отлитой ручным способом на бумажной мельнице в местечке Айпинг в 1813 г. Автором является генерал А.Г. Жомини, который создал рукопись в феврале/апреле – августе 1813 г. до своего перехода на русскую службу 14 августа 1813 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181 (б/даты). Л. 1–13.

² Клепиков С.А. Филигранные и штамповые печати на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 13.

⁴ РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. Кн. 38. Л. 24об.

⁵ Там же. Кн. 10. Л. 18об.

⁶ Там же. Кн. 38. Л. 32.

⁷ Там же. Ф. 1292. Кн. 38. Л. 21–23 («Записки о военных действиях. Альтенберг 29 августа 1813»).

⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 8об., 9, 9об., 11 об., 12, 13.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же . Л. 1, 1 об.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

¹² Там же. Ф. 1292. Кн. 38. Л. 3 об.

¹³ Вовси Эман М. Швейцарец для французов, француз для русских: военная и писательская деятельность Антуана-Анри барона де Жомини в 1805–1812 гг. [Электронный ресурс]. URL.: <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/VovsiJomini3articles.html>

¹⁴ РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. Кн. 38. Л. 115–115 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л.1, 13

¹⁶ Там же. Ф. 1292. Оп. 1. Кн. 38. Л. 46

Приложение

Архивные документы, впервые приводимые в переводе с французского языка, выполненного Т.П. Петерс, состоят из рукописи неизвестного автора, имя которого в процессе исследований, отраженных в статье, было атрибутировано как генерал А.Г. Жомини, и редакторских замечаний генерала И.В. Сабанеева. Рукопись генерала Жомини впервые публикуется в переводе на русский язык. Подчеркивания, зачеркивания отдельных слов и поправки автора рукописи (/.../) и генерала И.В. Сабанеева (... – *Сабанеев И.В.*) сохранены в полном объеме. В случае, если внутритекстовые постраничные сноски генерала И.В. Сабанеева совпадают с его послетекстовыми замечаниями, то они вынесены в конец текста рукописи в раздел «Замечания». Пояснения переводчика в тексте обозначены квадратными скобками – [... – *Т.П.*]. Выделены курсивом слова автора рукописи, над которыми в тексте имеются замечания рукой И.В. Сабанеева «О, глупость!», «Ложь!», а также те, к которым И.В. Сабанеев внес свои пояснения в разделе «Замечания».

Записка неизвестного автора с описанием событий русско-турецкой войны 1811–1812.

Из бумаг генерала от инфантерии И.В. Сабанеева. б/д, не ранее 1812 г.

«№ 17.

Лишь моя большая озабоченность прославлением Российской империи порождает во мне желание искренне описать военные операции этой войны. В подобной работе в мои намерения вовсе не входило подвергать нападкам чью-либо репутацию; при этом беру в свидетели Всевышнего, взгляд которого проникает в самые глубины человеческой души. Я поставил себе долгом свято соблюдать строжайшую беспри-

страстность и говорить только чистую правду для того, чтобы выявить не что иное, как те ошибки, которые могут совершить люди, находясь под плохим руководством: заблуждения, которые естественно вытекают из этого, вследствие которых ежедневно рождаются нескончаемые беды, наносят слишком жестокие удары по несчастному человечеству. Может быть, мне повезет, если когда-либо моя записка увидит свет, поспособствовать, хотя бы на толику, людям, которым судьба предназначала сделать большие свершения, быть внимательнее к тому, что они призваны сделать. Вот истинная точка зрения, с которой следует оценивать эту записку, и пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает.

Однако прежде, чем приступать к моему описанию, я полагаю, что будет полезно бросить взгляд на состояние обеих держав в период этой войны, вследствие которого можно будет ясно увидеть, что результаты борьбы были диаметрально противоположными в сравнении с теми, которых можно было бы ожидать, учитывая физические и нравственные силы обеих Империй.

В период войны Россия находилась на вершине своей славы и великолепия: увеличение и расширение ее обширных губерний в результате присоединения различных территорий по всем ее границам, ее многочисленная армия, ее цветущая торговля, ее правильно вложенные и прочные финансы, наконец, ее вес и решительное влияние, внушительное и грозное, на всем континенте, предоставляли ей полное право быть вровень с Францией послереволюционного периода и того времени, когда страна была во власти узурпатора, занимающего в настоящее время ее трон. Турция же, наоборот, будучи разоренной в ходе продолжительных гражданских войн, раздираемая до самого нутра тремя революциями, следовавшими одна за одной, без войска, без финансов, без энергии, без своей внутренней территории, без малейшего веса вне своих границ и совершенно без влияния на своих подданных, часть которых владела управлением столицы, а другая всеми без исключения провинциями, была лишь тенью державы, но вместе с тем мы увидели, как она боролась непрерывно на протяжении шести лет с бесконечно превосходящими силами Российской империи и часто одерживала победы, как мы вскоре увидим.

Генерал Михельсон, 1-й главнокомандующий Дунайской армией, не сумел добиться никакого реального преимущества над турками, не считая единственной победы генерала Милорадовича над небольшим

турецким корпусом, который, как казалось, намеревался атаковать Бухарест, в результате чего он заслужил титул спасителя этого города; я бы сказал, что он скорее навязал ему сражение. Экспедиция, задуманная Михельсоном, против крепости Измаил, которую он доверил возглавить генералу Мейендорфу, провалилась самым огорчительным образом, как для ее инициатора, так и для исполнителя. Этот генерал, потерпевший поражение и вынужденный стремительно отступить, сеял на своем пути ужас, направляя в разные стороны курьеров с целью разведать, преследовали ли его турки и где они находятся. Его поведение даже жителям Валахии казалось столь странным, что смеха ради они его переименовали и дали прозвище генерал Merij nederet, что на валашском языке означает Генерал беглец, и даже сочиняли на его счет куплеты, которые распевали публично по всей Валахии.

Такова суть всех экспедиций этого главнокомандующего, который после поражения под Измаилом пребывал в Бухаресте в глубочайшей бездеятельности и не утруждал себя ничем иным, кроме как ссориться с князем Ипсиланти, а закончил смертью, возможно, от огорчения, что не совершил ничего блистательного.

Его последователю маршалу князю Прозоровскому повезло не больше, да и жизнь его завершилась тем же образом. Получив в командование армию, он устроил свою главную квартиру сначала в Фокшанах и повелел армии расположиться в столь нездоровом месте, что более 20 тысяч человек там погибли от болезней. Он отдал предпочтение такой позиции, чтобы вести действия в досягаемости одновременно от армии известного Мустафы-Берактара, стоявшего с войсками между Бухарестом и Джурджево, от армии великого Визиря, который уже начал переправу через Дунай в Силистрии, и от славного Пегливан-Аги, коменданта крепости Измаил. Тем не менее, он не предпринимал никаких действий против первых двух: только ограничивался действиями против крепости, но с огорчением увидел, как все его попытки провалились с большими потерями для его войск, так что имя Пегливана в его памяти осталось неразрывно связанным с чувством ужаса. Тем временем перемирие, заключенное сначала в Тильзите и подписанное затем в Слободзее, в том числе и турецкой стороной, остановило его военные действия. На него была возложена задача договориться с турками о мире, однако политическая обстановка в Европе тех лет опять не дала ему возможности заслужить титул миротворца между двумя империями. Конгресс в Яссах оказался сорван, и противоборство должно

было возобновиться. Тогда маршал посчитал необходимым официально заявить полномочным представителям Турции о срыве перемирия, приказал генералу Милорадовичу выдвинуться с войсками, состоявшими под его командованием, взять врасплох крепость Джурджево. И хотя гарнизон защитников крепости, исчислявшийся в 300 турок, которые не ведали о срыве перемирия, совершенно не ожидал нападения, удача не улыбнулась генералу Милорадовичу в этой экспедиции: он был отброшен со значительной потерей, несмотря на то, что его солдаты смогли уже вскарабкаться по крепостной стене, а комендант крепости Аудин-паша, в порыве отчаяния держал в руках белый флаг, который намеревался водрузить над крепостью в знак ее сдачи. Правда, Бошняк-Ага выслал из Рушука на помощь крепости 150 человек, но это количество никак не могло вынудить генерала Милорадовича отступить. К тому же он без труда мог бы помешать спешившим на помощь крепости войскам переправиться через Дунай. Чему же можно приписать это отступление? Вот этого я действительно не знаю! Что до маршала и его страстного желания добиться успеха, то он несколькими днями позже направился со своими главными силами к крепости Браилов, взял ее в осаду и предпринял штурм. И хотя в этой крепости, впрочем, весьма посредственной, едва находилось 4 тысячи человек, способных взять в руки ружье, маршал [Прозоровский. – Т.П.] сокрушался от того, что был отброшен с потерей, по крайней мере, 10 тысяч человек. И вот по каким причинам: во время штурма взрыв в крепости порохового склада от бомбы, брошенной наступающими, заставил маршала подумать, что сами турки взорвали стены крепости, хотя Богу известно о том, что случилось; по крайней мере, Назир /или комендант/ этой крепости даже и не помышлял сделать это: поэтому маршал, будучи в полной уверенности, что ворвавшиеся в крепость войска погибли, и, не помышляя подставлять под пули свои новые силы, ограничился тем, что предоставил первых на волю судьбы, а они в отчаянии сложили оружие, хотя уже смогли спуститься в ров. Едва маршал увидел свою оплошность, он велел выдвинуть свежие силы, действия которых лишь ускорили гибель товарищей, которые их опередили. И все потому, что этот Назир из Браилова, по своей сущности ни жестокий и ни кровожадный, из опасения, как бы захватчики, сложившие оружие и пока еще не прорвавшиеся в крепость из-за своей многочисленности, не соединились со вновь наступавшими частями, принял жестокое решение убить их в самом рву выстрелами из пушек.

Не лучшей участи, чем первые, удостоились вновь выдвинувшиеся войска: они тоже были разбиты и отброшены, а маршал был вынужден снять осаду и отступить за реку Сирет [Серет. – Т.П.] с намерением расположить свою Главную квартиру в Галаце. Именно там он задумал великий план переправиться через Дунай и напасть на турок в самом Константинополе. С этой целью он возвел мост на Дунае чуть ниже Галаца, однако неожиданная смерть помешала ему осуществить столь грандиозный план.

Князь Багратион вначале пустился в переговоры; он обратился к Хосрев-паше, который в ту пору был главнокомандующим турецкой армией на Дунае, а в настоящее время является капитан-пашой в Константинополе, и внес мирные предложения. Но Хосрев-паша оставил в неведении теперешнего господаря Молдавии Карла Калимаки, которого прочил в переводчики на переговорах, и доложил непосредственно султану в надежде получить полномочия для заключения мира в обход великого визиря и министерства, выступившего к тому времени с армией из Константинополя. Однако султан указал Хосрев-паше, что подобные дела должны предприниматься Министерством, а потому он должен прежде доложить обо всем великому визирю. Паша, в негодовании от подобного ответа султана, не предпринял никаких действий, чтобы сойтись с Министерством, и попытки остановились.

Что до военных действий князя, то они не стали более блистательными, чем экспедиции маршала, его предшественника, если не считать захвата путем капитуляции крепостей Измаил и Браилов, первой – генералом Зассом, второй – генералом Эссеном 3-им. Однако заслуга их взятия не принадлежит военным талантам названных генералов, но единственно относится к беспечности и инерции турецкого правительства, которое совершенно не озаботилось за все три года, что длилась эта война, доставить в крепости продовольствие и боеприпасы, что позволило бы гарнизонам крепостей еще довольно долго держать оборону, а русское командование побоялось бы идти на штурм. Не что иное, как голод, вынудил гарнизон и жителей сдаться, а условия сдачи оказались весьма выгодными для них и почетными, потому что они получили свободный выход из крепостей вместе с оружием и обозами, да и русские командиры обеспечивали их повозками, в случае надобности, для перевозки имущества, хотя турки предпочли бы плен. Мне могут по этому поводу возразить, что, де, зачем брать в плен такое количество тысяч человек, которых придется кормить. По такому поводу от-

вечу, что подобное правило весьма не срабатывает в отношении турок; ведь помимо славы, которой удостоивается генерал, когда принуждает гарнизон крепости, взятой через капитуляцию, стать военнопленными, турки, которым не свойственно держать честное слово, никогда не соблюдают обещание более не братья за оружие; совсем наоборот, в их правилах возобновлять атаку тотчас при выходе из крепости, которую они только-только сдали неприятелю, как это часто происходило; так что вместо того, чтобы стремиться к сокращению войск неприятеля, другая сторона их наоборот умножает. Соответствует действительно то, что заблокированные и осажденные в крепости турки никогда не нанесут урон, в то время как вне стен крепости они свирепеют; доказательством тому служит разгром при Татарице войсками Пегливан-паши, вышедшими из крепости Измаил, войск под командой князя [Багратиона – Т.П.], о котором еще пойдет речь, и неудача графа Каменского под Шумлой от войск Назир-Аги, о чем напишу далее.

Возвращаюсь к своей теме. Князь Багратион пожелал следовать плану своего предшественника: при виде готового моста через Дунай, он воспользовался им и переправил свою армию на правый берег реки, и, овладев несколькими городками на ее берегах и разогнав в Рассовате небольшой турецкий корпус под командованием Гуссейн-паши, он пошел в сторону Силистрии, которую вскоре взял в кольцо и подверг сильнейшему орудийному обстрелу, как с суши, так и с реки. Этот город, хотя и был ничтожным, продержался 44 непрерывных дня под перекрестным огнем осаждавших до тех пор, пока визирь Юсуф-паша, имевший в подчинении 2-го генерала в Рушуке, что в 24 лье от Силистрии, не догадался выйти ему на подмогу с несколькими тысячами турок, командованием над которыми поручил Пеливан-Аге, который окопался в Татарице. Он дал бой князю, разбил его и вынудил тем самым отказаться от взятия Силистрии и отступить в Гирсову. Там после возведения моста возле Галаца, он переправился на обратный берег Дуная и разместил свою главную квартиру в Бухаресте, где, не думая больше о турках, и провел всю зиму до тех пор, пока не был смещен с поста главнокомандующего, порученного графу Каменскому.

Если князь не сумел отличиться своими воинскими подвигами, он, тем не менее, снискал себе известность перед правительством допущенными проступками и небывалой жестокостью в отношении бедных Христиан, проживавших на правом берегу Дуная. Он превратил в пепел все города и деревни, которые лежали на его пути во время

военных операций, а их жителей принуждал все бросать и переправляться на левый берег Дуная, где новые несчастья наверняка их поджидали. Невозможно даже самому бесчувственному человеку оставаться бесстрастным при виде столь печального зрелища. Одним словом, в этом несчастном краю он сделал все, чтобы имя русский стало вызывать ужас у его жителей, которые прежде ждали русские войска с распростертыми объятьями в надежде, что они освободят их от бедствий, которым они подвергались в течение 20 лет бесконечных войн Кирджали и Аганов Ромелии, но которые оказались так жестоко обмануты в своих надеждах. С другой стороны, его методы управления Валахией оказались такими устаревшими, что голод установился во всей этой провинции, признанной вообще-то самой плодородной и изобильной в Европе; вскоре вспыхнули заразные болезни, и смертность достигла высокого уровня. Из весьма надежного источника мне известно, что в период 1-е мая 1809 – 1-е мая 1810 в разных армейских госпиталях числилось 106 тысяч с несколькими сотнями больных, на лечение которых было потрачено 7 миллионов рублей. Вот какими оказались трофеи князя за то время, когда он был в должности главнокомандующего.

Военные операции графа Каменского вначале были весьма блестящими, и вызвали серьезную озабоченность у турок. После того, как он во главе действительно значительных сил переправился через Дунай в Гиршово одновременно с генералом Зассом, который с корпусом в 10 тысяч человек тоже совершал переправу через ту же реку в Туртукае, и пошел на Базарджик¹, где с корпусом в 4 тысячи турок стоял Пегливан-паша, но уже теперь не Пегливан-Ага – его султан после сражения при Татарице назначил трехбунчужным пашой, на которого турки взирали как на своего Эпаминондаса [Эпаминонд (ок. 410 до н. э. / 418 до н. э., Фивы – 362 до н. э., Мантиней) – военный и политический деятель Древней Греции, глава Фив и Беотийского союза, внесший большой вклад в развитие военного искусства – Т.П.], разбил его и взял в плен самого пашу и большую часть его войска. При этом он захватил еще и орудия. Оттуда он вышел маршем, предварительно отделив от своей армии три корпуса: первый под командованием брата главнокомандующего с приказом двигаться в направлении к Шумле, второй под командованием генерала Цицианова² имел целью идти на Варну, третий под командой генерала Долгорукого получил приказ действовать против Каварны. Сам же граф вышел с главными силами приданной ему армии на Силистрию и, едва он подошел к городу, как велел тотчас

взять его в кольцо и начать обстрел. Но Еликоглу, комендант и управитель города, не считал возможным вновь подвергать город еще одному длительному обстрелу, сдал его путем капитуляции, которая последовала вслед за сдачей крепости Браилов. Каменский, оказавшись хозяином города и при этом не потеряв ни одного солдата, оставил там гарнизон под командою генерала графа Ланжерона, и, снова выдвинув корпус генерала Сабанеева³ с приказом взять Разград, выступил со своей армией в сторону Шумлы с целью атаковать великого визиря. Визирь в испуге от успехов графа, совершенно лишившийся средств для оказания сопротивления, пожелал испытать путь переговоров с намерением, но не иначе как выиграть время, потому что не был уполномочен султаном вступать в какие бы то ни было переговоры. Великий визирь направил в распоряжение армии графа парламентаром одного из высших офицеров Империи с целью просить перемирия и убедить его в необходимости перемирия как способа обсудить условия мира, которого он страстно желал. Однако граф, стремясь извлечь выгоду из своих побед, решительно отверг предложение о перемирии и проявил большое стремление заключить мир; но хотел заключить его военным путем, а не путем переговоров, к которым вовсе не был готов, и которые, впрочем, обыкновенно лишь затягивают дело и редко приводят к желаемой цели. Поскольку турецкий парламентар вовсе не имел повеления вести переговоры о мире, то и не смог удовлетворить ответами вопросы графа. Так что граф велел ему ехать обратно и вручил ему четыре артикула, которые по его разумению должны были лечь в основу договора о мире, и, по его мнению, были Sine que non [от латинского «condition sine que non» – неперемное условие – *Т.П.*]; выпроваживая его, он поручил передать великому визирю, что если тот не задумается серьезно о мире, то должен будет непременно сдать Шумлу, чтобы не подвергаться риску повторить участь Пегливан-паши. Судьбе было угодно, чтобы в то время, как турецкий парламентар должен был выехать из лагеря графа, курьер, прибывший от генерала Сабанеева, принес известие о взятии им Разграда. При этом были взяты в плен все находившиеся там турецкие войска, командующий войсками трехбунчужный паша Серур-Махмет и Молдавский господарь Калимаки со всей своей свитой, которого казаки слегка ранили во время преследования. Забыл упомянуть, что граф обещал турецкому парламентару приостановить на четыре дня боевые действия, чтобы дать Великому визирю время обдумать четыре предварительных артикула договора

о мире. Взятие Разграда, отстоявшего всего в 8 лье от Шумлы, переполнило чашу неудач Великого визиря: едва парламентар возвратился в Шумлу, как он созвал большой военный совет, на котором было принято решение немедленно отправить полномочных представителей к графу для обсуждения условий мира. Они были назначены, от имени Великого визиря им, в качестве полноправных министров Оттоманской империи предоставили мандаты, в которых было указано, что распоряжения султана не заставят себя ждать; так что они отправились в лагерь графа, который тем временем, выехал им на встречу на расстояние в 5 лье от Шумлы. Но как только полномочные представители прибыли на место встречи, граф велел узнать у них, наделены ли они полномочиями подписать мирный договор; при ответе, что до осуществления права подписать договор, они должны были тщательно его обсудить, потому что в артикуле относительно границ со стороны Азии обязательно требовалось разъяснить некоторые топографические пункты, граф в весьма вежливой форме выразил сожаление, что Их Превосходительства потрудились приехать к нему. Он сослался на свои прежние слова о том, что не намерен обсуждать договор о мире, но желал сходу заключить и подписать мирный договор. Однако, если Их Превосходительства не имеют таких полномочий, то могут ехать обратно в Шумлу. Однако, граф счел своим долгом, исходя из настойчивых просьб и нескончаемых делегаций полномочных представителей, по крайней мере объяснить с ними по поводу упомянутых пунктов, чтобы они, в свою очередь, могли отчитаться перед великим визирем; он изволил, наконец, их принять на следующий день в своей палатке и после обычных церемоний заявил им, что отдал повеление генералу Левизу пояснить им все, что они желали знать по содержанию артикулов договора о мире, который без всякого обсуждения следовало тотчас подписать. После того им предложили перейти в другую палатку, совсем рядом с первой, где им было предложено заслушать чтение всех статей договора, уже составленного на турецком языке; в нем недоставало лишь имен полномочных представителей, о чем не забыли и оставили место. Во время чтения статей полномочные представители стояли, словно каменные, и не смогли вымолвить ни слова: а следует признать, что эти статьи были совершенно недопустимыми, и чтобы принудить турок согласиться с их содержанием, надо было довести их до крайности, но на то время этого еще не достигли. Когда, наконец, они очнулись от спячки, то в один голос заявили, что не осмелились бы

ни под каким видом подписать подобный договор, даже если бы имели на это полномочия от самого султана. Так что переговоры оказались сорваны, и через час турецкие министры отправились в путь по направлению к Шумле, а уже на следующий день граф, как и его брат, который к тому времени приблизился со своим корпусом к Шумле со стороны Базарджика, встал у стен той крепости. Нет возможности описать огорчение и отчаяние как визиря, который плакал, словно дитя, так и всех министров, бывших при нем, потому что других войск, кроме войск Назира из Браилова в количестве 1500 человек, в числе которых было 4–5 тысяч янычар, на которых он никак не мог оказывать свою власть. Ему ничего не оставалось как призвать свои войска сражаться, пообещав им при этом через глашатаев прибавку к жалованью в 10 су в день. Эта мера имела результат: наименее трусливые из Янычар, к которым примкнули Аги [военачальники – *Т.П.*] и рабы великого визиря, подталкиваемые подобной приманкой, взяли в руки оружие и поспешили в бой, при том, что ни один не надеялся на благополучный исход дела. Довольно крутой спуск, по которому граф приказал выступить войскам для атаки Шумлы, был единственным направлением, которое доминировало над всей округой, а сам город* и весь турецкий лагерь, находившийся за городскими стенами, вовсе не был укреплен, так что русские солдаты легко им завладели. Все силы турок были брошены как раз на защиту, на завязавшееся сражение, которое завершилось поздно ночью в пользу турок, убивших в течение дня и взявших в плен ночью много русских. До сих пор остается загадкой для всех, кому знакомы хилые укрепления Шумлы и состояние армии великого визиря на то время, почему же граф не велел атаковать город одновременно по двум-трем направлениям? Он без особых усилий смог бы завладеть крепостью! По крайней мере, турки были столь глупо уверены, что попадут в руки неприятеля, что многие из них закапывали в землю свои наиболее ценные вещи. Но таков удел армий; небольшой пустяк приносит победу, а еще большая безделица влечет к разгрому. На следующий день на заре бой возобновился в том же месте и продолжался до наступления ночи; несмотря на то, что турки помешали русским прорваться в город, они, тем не менее, понесли

---

* Русские безуспешно штурмовали крепость (цитадель) города Шумлы, которая находилась на горе, а сам город Шумлы, который, по словам автора, «вовсе не был укреплен», раскинулся у ее подножия. – Примеч. рецензента.

в тот день значительные потери из-за действий батареи с орудиями, возведенной ночью по распоряжениям графа, испугались и разуверились в победе до такой степени, что великому визирю, вопреки всем насмешкам и сильным увещаниям Галиб-эфенди, на то время Рус-эфенди, принял твердое решение подписать, во что бы то ни стало, договор о мире. Как вдруг на заре следующего дня в минуты, когда ожидали возобновление атаки русских, которая должна была решить судьбу Шумлы и всех находившихся в ней людей, великому визирю доложили, что русские покидают свои позиции и разбивают лагерь на расстоянии в один лье от города. Вообразите ликование турок и опьянение от полученной новости, которой они совершенно не ожидали. Турки как бешеные бежали со всех сторон на батарею, желая увидеть наполовину возведенный лагерь русских. После двухдневных сражений граф на протяжении 22 дней не покидал окрестности Шумлы, не предпринимая, однако, никаких серьезных действий против крепости, за исключением нескольких стычек, последствием которых стали бессмысленные потери с обеих сторон; он тешился лишь попеременной бомбардировкой, не испытывая вины за то, что в Шумлу, которую полагалось окружить, ежедневно получала больше подкрепления, чем во времена, когда она не подвергалась ничьим угрозам. Все потому, что многие военачальники, в страхе от роковой петли, которой угрожал султан, если они не решатся активно участвовать в национальной войне, так сбежались с невероятным числом войск на помощь Шумле, что всего за несколько дней усилилась до 80–100 тысяч человек; я пишу, что всего за несколько дней, потому что все эти войска, лишенные пропитания, вскоре полностью разбежались. Между тем генерал Засс, переправившись через Дунай, как писалось выше, и завладев крепостью Туртукай, не произведя ни одного выстрела, потому что ее комендант Серд-Махмут-паша чувствовал недостаточность своих военных сил для возможности удержать крепость, собрал войска и артиллерию и отступил к Шумле; он направил имеющиеся у него силы против города Рушук, который вскоре окружил и, жадный до славы, решил отметить путем взятия штурмом Рушука. Он действительно пошел на штурм, но успеха не имел и был опрокинут со значительной потерей. С другой стороны, генералы Цицианов (Цызырев, вероятно. – *Сабанев И.В.*) и Долгорукий незадолго до того были разбиты, отброшены и тоже подошли к Шумле для усиления армии графа, разочарованного в своих надеждах. Из стремления смыть пятно неудачи на своей репу-

тации в связи с разгромом войск во всех местах предполагаемых атак, он вышел из Шумлы, оставив в ней малочисленный обсервационный корпус под командою своего брата, и, предав огню захваченные города и деревни, направился к Руцук, чтобы обрушиться на него со всеми своими силами: он считал, что эта крепость нанесла ему больше всего вреда; на следующий день после того, как он пришел под Руцук, он предпринял штурм, но ему повезло еще меньше, чем генералу Зассу, поскольку был отброшен с более значительными потерями. Из надежного источника мне известно, что после штурма только в госпитали Бухареста перевезли 550 раненых офицеров разных званий. Вместе с тем, если судьба благоволила вначале, а затем отвернулась от графа, то она уготовила ему еще одну возможность, в которой он должен был спасти свою военную репутацию, наполовину подпорченную столь большим количеством контрударов, о которых вскоре будет сообщено. После передышки, которой Великий визирь был обязан полному отходу русских войск под Шумлой, потому что граф чувствовал недостаточность своих сил из-за потерь, понесенных под Шумлой; он вызвал к себе своего брата, который с небольшими силами, состоявшими под его командованием, с успехом отбил в окрестностях Шумлы великого визиря, вознамерившегося изгнать его с занятой позиции. Так вот, великий визирь после передышки, вдохновленный победами Бошняк-Аги в Руцук, задался целью вынудить графа снять осаду города и даже отойти за Дунай. Для этого он назначил трехбунчужного пашу Рушанцали-Халиля главнокомандующим Дунайской армии, еще не существовавшей, но формировавшейся войсками, состоявшими под командой разных военачальников, например, также трехбунчужного паши Ипсалали-Мехмета, 83 тысяч албанцев под командой Мухтар-паши, сына прославленного Али-паши Заминского, и направил их под Руцук для поддержки. Гадель-паша во главе 20–25 тысяч человек пошел через Тырнов к назначенному месту, и, достигнув высот Батина (деревня в четырех лье от Руцука в направлении к Систову), занял позицию и окопался. Соседство подобной армии было не по душе графу, потому что с развитием действий она стала бы помехой в его операциях. Так что он принял решение двинуться на Батин и атаковать эту армию, но не ждать ее прихода в Руцук, где он попал бы в позицию между двух огней; ведь он был уверен и убежден, что довольный своими победами Бошняк-Ага не останется спокойным наблюдателем сражения, которой развернется у него перед носом. Приняв такое решение,

граф оставил небольшой корпус под Рушуком для наблюдения за действиями Бошняк-Аги, которого Галет-паша умудрился известить о своем приближении, и с остатками своей армии и большим артиллерийским обозом из 140 орудий, пошел на Батин и сходу атаковал турок. После первого артиллерийского обстрела со стороны русских такой страх охватил Мухтар-пашу, что он спрятался в подземелье, которое вырыли специально для него на случай атаки, но он чувствовал себя там в недостаточной безопасности, поэтому покинул его, вскочил на своего коня и бросился бежать; его войска, как и все остальные вскоре последовали его примеру, и ужас охватил всю армию, в которой каждый спешил спастись бегством. Только один Галиль-паша стойко удерживал свои редуты, пока не был убит пулей. Вслед за тем войска его, лишившиеся своих командиров и сжимаемые со всех сторон, сдались в плен. Ипсалали-Мехмет-паша и немало других турецких военачальников оказались в их числе; было захвачено еще 14 пушек. Вот таким образом граф вышел, наконец, победителем и подкрепил немного свою репутацию. Вследствие такой победы город Сислов, Никополь со свои замком, вскоре затем Рушук, потом крепость Журжево, которые исчерпали к тому времени все запасы снаряжения и продовольствия, капитулировали на тех же условиях и с теми же выгодами, что крепость Браилов и город Силистрия. Я бы еще добавил, что тогда же Бошняк-Ага вернул графу 17 тысяч солдатских ружей, захваченных им в ходе двух штурмов. Кампания графа, таким образом, завершилось столь же успешно, как и началась: но она принесла бы ему еще больше славы, если бы он не принял жестокого решения, которое в результате несколько обесцветило его последние победы, сжечь все города, сдавшиеся в конце кампании, так что весь правый берег Дуная, куда вступала русская армия, как во времена князя Багратиона, так и при графе Каменском, был превращен в дикую пустыню. Единственным городом, который не подвергся подобному несчастью, был Рушук. Его час еще не пробил. Казалось, что граф имел намерение приберечь этот город для осуществления своих планов на будущую кампанию, но судьбе не угодно было более подставлять его под неизвестные исходы новой кампании, поскольку по прибытии в Бухарест он велел войскам располагаться на зимние квартиры, а после того свалился от тяжелой болезни, из которой более не излечился.

Князь Кутузов, вопреки своим немалым военным талантам и победам, одержанными над турками, отнюдь не избегает случая удостоиться критики за проведенные операции. Его спешное отступление из

Рущука уже на следующий день после победы, одержанной 22 июня 1811 над новым великим визирем Ясир-Мехмед-пашой, известного ранее под именем Назир из Браилова, легло большим пятном на его военную репутацию. Я полагаю, что если уж Бошняк-паша некогда смог с горсткой людей удержаться в этом городе и добиться перевеса над всеми силами графа Каменского, то князю, *имевшему 12 тысяч человек хорошо организованного войска, было легче сохранить с честью город за собой* (О, глупость! – Сабанеев И.В.). Но по нелепой случайности он принял решение оставить город, заставил жителей срочно перейти на другой берег Дуная, даже не дав им времени захватить пожитки, поджег город и более того оставил часть своих войск, которые словно были выставлены того, чтобы быть истребленными турками; а те, догадавшись по пожару, что русские покинули город, немедленно сбежались добить отступавших; но, к счастью, оставленным войскам удалось храбро проложить себе путь среди турок⁵ и добраться до моста в тот момент, когда его собирались сломать⁶. Разместив после того свою Главную квартиру в Слобозие, князь уже не предпринимал более ничего против турок до тех пор, пока великий визирь, измученный повторяющимися один за другим приказами султана о переправе через Дунай, не снарядил пять утлых кораблей, на которых в ночь с 28 на 29 августа того же года переправился через реку в присутствии одного офицера сераля, присланного специально с целью быть при деле при Великом визире. Место, куда высадились турки, превращалось во время приливов в остров, отрезанный от территории Валахии, и что поражало более, нежели такая особенность, то это совершенное неведение турок об этом. Несмотря на это Великому визирю удалось за одну ночь бросить в эти места, впрочем, столь неблагоприятные, 2500 турок с небольшими орудиями. Следует заметить, что при переправе один корабль унесло течением, а турки, не заметив этого, высадились почти рядом с лагерем русских; их обнаружил патруль, забивший тотчас тревогу; немедленно выдвинули часть войска, которые начали стрельбу по туркам; в ответ турки, спохватившись, поняли свою оплошность, в спешке погрузились на корабли и отплыли. Со своей стороны, русские, видя отплывающих турок, сочли дело законченным и вернулись в свой лагерь. И только на рассвете князю доложили, что турки успешно переправились через реку и высадились в другом месте. И даже окопались там. После такой новости, не выходя из крепости Журжево, *где он имел привычку ночевать по причине плохой пого-*

ды, князь⁷ отдал необходимые для случая приказы атаковать турок и даже отправил флотилию для поддержки атаки. Бой начался с первыми лучами солнца и завершился лишь с заходом солнца; турки, как мы видели, хотя и были в весьма небольшом количестве, имели большинство, которое считало дело проигранным, вышли из своих укреплений и перешли на сторону русских⁸, как и те из них, кто, желая избежать верной смерти или верного плена, бросались в реку. И наконец, по той причине, что Великий визирь с правого берега не мог выслать для их поддержки хотя бы небольшие силы, потому что русские своевременно установили свои орудия, от чего переправа турок стала невозможной. Я бы сказал, что в тот день турки дрались отчаянно; они отбили пять раз беспрестанно возобновляющиеся атаки русских, взяли одно орудие и одно знамя и вынудили отказаться от намерения взять штурмом их укрепления. Тем временем положение этих турок, хотя они добились успеха, было неутешительным. Они значительно сократились в численности, те немногие запасы военного снаряжения и продуктов, которые они смогли взять с собой, были полностью исчерпаны, в довершение несчастий, у них не было ни малейшей надежды получить хотя бы какую-нибудь помощь; переправу через Дунай русские пушки прервали окончательно, так что ни один турок не мог бы на нее отважиться, хотя великий визирь обещал заплатить тысячу пиастров каждому, кто осмелится переправиться на противоположный берег. Все турки, находившиеся на правом берегу, видели в турках левого берега жертв небрежности и неосторожности великого визиря, который, однако, как я писал ранее, совершенно не был виновен, потому что действовал в полном соответствии с решительными и настойчивыми приказами султана. Когда совершенно неожиданно ранним утром следующего дня турки обнаружили полный выход русских с батареей, которые они так удачно расположили накануне, и которые совершенно владели переправой на определенной дистанции, что они не возобновляли попыток для новых атак, тогда великий визирь отдал приказ всем войскам под его командой переправляться немедленно на противоположный берег, где сам расположился. Несмотря на то, что воюющие стороны оставались в видимости друг против друга на протяжении целого месяца, ничего серьезного не произошло, исключая несколько незначительных вылазок.

Великий визирь из боязни новой атаки занимался лишь возведением батарей, а князь, в свою очередь, развлекался постройкой своих против турецких, пока не додумался, наконец, до счастливой мысли

атаковать турецкий лагерь на противоположном берегу реки, отрезав тем самым путь коммуникации великого визиря. Исполнение подобной задачи он поручил Генералу Маркову, который переправился через Дунай с войском в 4–5 тысяч человек и, не встретив силы, способной оказать ему хотя бы какое-то сопротивление, потому что в лагере турок находились только министры и гражданские офицеры с их многочисленными прихлебателями, торговцами и товарами, которые, завидя русских, стремительно бросились вон из лагеря и оставили неприятелю все пожитки, спасая свои животы. Так что он завладел без малейших усилий и лагерем, и всем государственным и частным имуществом и расположился в великолепном шатре Великого визиря. Одновременно флотилия тоже выдвинулась и окружила турецкий лагерь со стороны левого берега. День этот, незначительный по своим событиям, оказался решающим. Из-за отсутствия Великого визиря и Галиба-эфенди, второго по значимости в турецкой армии, которого считали сбежавшим, потому что по растерянности он не смог войти в Руцук, укрылся с несколькими людьми своей свиты в Кдерьогоре (деревне в трех лье от Руцука по направлению к Шумле), Вели-паша, второй сын Занинского паша, собрал военный совет по праву главнокомандующего армией после Великого визиря. Он страстно стремился к окончанию войны, потому что желал вернуться в Морею и предаться удовольствиям. Совет постановил, принимая во внимание гибельное положение великого визиря и всего лагеря на левом берегу, что нужно просить мира у князя Кутузова, дабы пощадить честь великого визиря от необходимости сдаться победителю.

И действительно к князю был отправлен в качестве парламентаря некий офицер, но тот, из-за отсутствия Великого визиря и Галиба-эфенди, не располагая немедленным письменным повелением одного и участием другого, не пожелал даже начать переговоры. Вели-паша воспринял подобный ответ словно то был удар грома, поскольку он путал все его планы. Он не понимал, что ему нужно делать, когда вдруг в полночь гонец сообщил ему, что Великий визирь объявился в Руцук, потому что сумел в темноте ночи обойти флотилию русских. На следующий день появился и Галиб-эфенди. Поскольку первая попытка договориться о мире исходила от Вели-паши, и оба главных лица прекрасно осознавали, в каком плачевном состоянии пребывала Турция, то они не осуждали поступок Вели-паши; напротив, они поспешили начать серьезные переговоры и возложили на Великого визиря

частную переписку с князем Кутузовым, в которую он вступил, в результате чего условился с ним о предварительных положениях, которые должны были стать основой мирного договора, в частности: река Сирет должна была стать в будущем границей между двумя империями и что Сербия возвращается под власть Османской империи; что Порты расположит гарнизоны в крепостях, расположенных на территории Сербии, но ни один турок не должен осмелиться проникать в деревни для сбора налогов, размер которых будет установлен отдельно по обоюдной договоренности двух сторон; что жители сами должны распределиться, собирать налоги и отправлять их в правительство. Что касается турецких войск, оказавшихся в кольце на левом берегу Дуная, то они должны оставаться там до установления окончательного мира, который обеими сторонами по взаимному соглашению обязались установить не позже чем через 10 дней. Вместе с тем, князь обещал не проявлять к ним до того времени никаких враждебных действий, оставив за собой лишь право брать их в плен в том случае, если на протяжении всего срока они будут сдаваться. После того, как основания для мирного договора были заложены, с той и другой стороны назначили уполномоченных, которые съехались в Джурджу и начали переговоры, в ходе которых дело начало продвигаться действительно гигантскими шагами. Как вдруг Галеб-эффенди получил собственноручное письмо великого визиря, в котором тот в весьма ярких выражениях высказывал свое большое неудовольствие по поводу предварительных статей и призывал его сделать все от него зависящее, не ссылаясь при том на великого визиря, чтобы крепости Измаил и Килия остались за Портой по той причине, чтобы Россия не получила никаких владений по левому берегу Дуная, которые предоставят ей право взять под свой контроль одно из четырех устьев реки. Подобное предложение сильно озадачило Галеба-эффенди. Как он мог осмелиться разрушить здание, возведенное лично великим визирем! С другой стороны, как можно противиться воле султана? На что же решиться? Как человек осторожный он должен был выбрать наименьшее из зол, чем являлось подчинение своему султану. С этой целью он велел узнать о настроениях кого следовало и, убедившись в их добром расположении, открылся им, его выслушали, так что через несколько дней желание султана было удовлетворено. Статью о границах изменили в соответствии с волей султана, и мирный договор был заключен. Одновременно турецкие уполномоченные также заключили с князем Кутузовым отдельный до-

говор, силой которого окруженные турецкие войска должны оставаться на территории Валахии и размещаться в деревнях, которые с этой целью предоставлялись, а обязанность обеспечивать их пропитанием возлагалась на Порту вплоть до принятия окончательного мирного договора; их артиллерия должна располагаться в крепости Джурджа; по заключении мира эти войска и их артиллерия должны быть возвращены Порте. Не могу в этой связи обойти молчанием поистине героическое поведение этих турецких войск, окруженных на Острове, во главе которых стоял Джелал-паша, сын славного Тапан-Оглу, которые, вопреки суровой погоде и всем лишениям, что ум может вообразить, питаясь лишь мясом дохлых лошадей, за которое, кстати, приходилось драться, они скорее пренебрегали смертью и не желали сдаваться, и продержались так более месяца, пока из не освободились от такого ужасающего положения силой упомянутого договора. После завершения всех дел, конгресс переместился в Бухарест для ожидания ответа Императорского двора из Санкт-Петербурга по поводу изменений, внесенных в статью о границах. Наконец, 30 декабря 1811 г. ответ был получен, и 31 декабря возобновила работу конференция, на которой уполномоченные от России официально заявили туркам, что их Двор решительно не подпишет произведенные изменения; и поскольку Порты не последовала предложениям, вынесенным в начале переговоров Великим визирем, их Двор также не желал признавать конвенцию касательно окруженных на Острове войск и официально объявлял их военнопленными с их вооружением и артиллерией. Также уполномоченные от России объявили, что в соответствии с четкими указаниями от их Двора, они не уполномочены участвовать в каких бы то ни было конференциях, и Конгресс был прерван. Однако обе империи, правда, по разным причинам, остро нуждались в установлении мира, вот почему было принято обоюдное решение не прерывать окончательно стремления к миру. Турецкие уполномоченные оставались еще четыре месяца в Бухаресте, и, хотя не проводилась официальная конференция, частные обсуждения не прекращались пока князь Кутузов, которого известили об отзыве с поста главнокомандующего, не ускорил мирный процесс и не подписал предварительные статьи договора о Мире накануне прибытия в Бухарест адмирала Чичагова, сменившего его в должности главнокомандующего. Встав во главе армии и получив уже подписанные предшественником предварительные статьи, он завершил столь достойное дело, и окончательный договор был подпи-

сан 16 мая 1812 г., силой которого все предшествующие соглашения и договоренности были вновь подтверждены и великая Порта уступила Российской империи всю территорию, расположенную между реками Днестр и Прут до его слияния с Дунаем, с населением чуть менее 40 тысяч человек: весьма слабая компенсация за такое число потерь и жертв, которые понесла Российская империя. Единственным вытекающим реальным преимуществом явилось то, что Россия получила пять крепостей, расположенных на аннексированной у турок территории, которые мешали ей в прежние времена в военных действиях против Турции и которые не будут помехой в будущем, а в любой новой войне путь на Константинополь полностью открыт и свободен от препятствий для армии Российской империи.

Вместе с тем, хотя Россия не извлекла из этого мира тех преимуществ, на которые она имела право рассчитывать, в разных странах Европы нашлось немало людей, кто сетовал на политику и осуждал Турцию за ее согласие пойти на невыгодный мир в тот момент, когда Россия оказалась под угрозой войны со стороны хозяина Франции. Эти господа жестоко ошибаются, поскольку продержись Россия еще шесть месяцев в этой войне, она несомненно заключила бы мир на более выгодных условиях, потому что Турция была доведена до последней крайности и пребывала в абсолютном бессилии, чтобы начать новую кампанию. Так что Турция весьма разумно поступила, что воспользовалась сложившимися обстоятельствами, в результате которых получила мир, пусть невыгодный для себя. Если кто-либо расположен узнать всю глубину разрушений, в которых погрязла Турция в то время, то, наверняка, будут удивлены тому, каким же образом турки в течение шести лет могли одерживать верх над русскими, и как тем же русским удавалось иногда терпеть неудачу в своих предприятиях. Зная себя, турки отдавали себе должное и часто повторяли: или русские уже не те, что были прежде, или изменились мы-сами; и с намерением дать небольшое представление об их ничтожестве, приведу такой анекдот: когда граф Каменский начал атаку Шумлы, Великий визирь Юсуф-паша вызвал к себе всех военачальников, что находились в лагере, и со слезами на глазах призвал их сделать все возможное, чтобы войска, которые они возглавляли, вступили в сражение с противником. Те отвечали ему в один голос, что воины совершенно вышли из их подчинения, и что теперь его очередь искать средства для того, чтобы вернуть их к исполнению своего долга. Юсуф-паша, как я уже писал выше, отнюдь не отважился применить

суровые акции, а придумал срочную меру, которая состояла в повышении жалованья, и, отправляя государственных глашатаев для объявления в войсках своей высочайшей резолюции, снабдил их посланием. Оно звучало так: если ты хороший Мусульманин, который боится Аллаха и любит своего султана, то ты должен брать в руки оружие и идти сражаться против врагов Мусульманской веры. Многие турки говорили себе по этому поводу: Что нам бедным делить с русскими? Они нам не сделали ничего плохого. С другой стороны мятежные Янычары, чтобы разжечь восстание и настроить умы против Великого визиря и его Министров, распространяли в лагере слухи, что Порта не состоит в войне с русскими, но призвала их нарочно прийти, чтобы с их помощью разгромить янычар. Вот против каких турок сражались русские в этой войне, и, тем не менее, иногда позволяли нанести себе поражение.

Но в настоящее время мы видим, как те же русские во главе с гением Его Августейшего Императорского Величества совершают отважные подвиги и венчают себя лаврами в Священной войне, которую вынуждены вести против тирана и узурпатора всех прав народов разных наций. Этот контраст действительно поражает и весьма очевидно показывает, что неуспех в войне с турками отнюдь не следует приписывать солдатам, но тем, кто ими руководил. русские солдаты при мудром руководстве совершенно не способны терпеть поражение; напротив, все убеждает, что Божественное Провидение предназначило им одним побеждать непобедимых. Ведь турки 44 года назад, как и французы до 1812 года воспринимались во всем мире как сила, которую невозможно одолеть. Но, однако, именно русские стали первыми, кто опроверг подобное ошибочное мнение в ходе своих многочисленных побед над турками и французами во времена их величия.

АНЖ»

[Монограмма латиницей имен и фамилии автора рукописи – Т.П.]

ЗАМЕЧАНИЯ (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 13)

¹ Базарджик был взят братом главнокомандующего, который выдвинулся в то время, когда все войска, переправившиеся через Дунай в Гиршове, взяли в кольцо Силистрию (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 4об.)

² Не было генерала с такой фамилией в то время, есть вероятность предположить, что имелся в виду Цыгарев (Цызырев), которого никогда не выдвигал с войсками ни главнокомандующий, ни даже его брат после взятия Базарджика, как, впрочем, и Долгорукого (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 4об.)

³ Когда главнокомандующий выехал в направлении к Шумле, Ланжерону было поручено взять в кольцо Силистрию, которая сдалась много позже (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 5)

⁴ Меня с войском выдвинули до взятия Силистрии (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 5)

⁵ Ложь! Никогда войска, оставленные в Рущуке, не пробивались сквозь войска турок, потому что неприятель к тому времени еще не овладел городом (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 5)

⁶ Ложь! Коммуникация по мосту была прервана только после отвода всех войск (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 6)

⁷ Ложь! Князь Кутузов пребывал на окраине Журжево (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 7)

⁸ Ложь! Ни один турок на нашу сторону не перешел (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 181. Л. 8)